

УДК 81`42 : 316.482

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНФЛИКТА КАК ПРЕДЕЛЬНОГО СМЫСЛА КУЛЬТУРЫ

А.С. Додина

Тверской государственный университет, Тверь

Конфликт в целом и коммуникативный конфликт в частности длительное время оставались в стороне от научного анализа. Агрессия как наиболее очевидный компонент конфликта была исследована в первую очередь в рамках социологии и психологии. В лингвистике, однако, по-прежнему не существует описания универсальной структуры и механизма речевой агрессии. Суть определения конфликта как смысла культуры состоит в том, что в случаях его имплицитной данности в тексте он может быть усмотрен только в результате интерпретации. Герменевтический подход к исследованию конфликта как неявно данного смысла культуры представляется особенно эффективным в сфере исследования политической коммуникации и риторики.

***Ключевые слова:** конфликт, дискурс, речевая агрессия, интерпретация текста.*

Конфликт, в том числе и коммуникативный, несмотря на свою очевидность, долгое время оставался в стороне от научного анализа. Попытки определить конфликт как феномен также не привели исследователей к единой точке зрения. В качестве определения конфликта часто используется описательная конкретизирующая синонимия: «борьба», «спор», «напряжённость в отношениях», «инцидент», «кризис», «скандал» [5]. Актуальность нашего исследования состоит в поиске универсальных структурных составляющих конфликта, данного в тексте / речи и в усмотрении культурно-смыслового компонента коммуникативного конфликта как той основы, которая определяет функциональные особенности агональной коммуникации.

Исследования конфликта как феномена межличностных отношений проводились в первую очередь в рамках социологии и психологии, причём полагалось, что конфликт как бытовое явление не обязательно нуждается в систематическом осмыслении. Сегодня коммуникация, основанная на конфликте, находится в центре исследовательских интересов политологии, математики, биологии, военной науки, искусствоведения, а социологические теории исследования конфликта приобрели взаимодополняющий характер относительно других методов исследования [7: 18]. В психологии вопрос «что представляет собой конфликт» рассматривается с разных точек зрения. Социально-психологическая точка зрения Д. Майерса, к примеру, опирается на синхронический подход, и автор предлагает универсальное определение конфликта как не-

совместимости поступков или целей его участников [6: 444]. Классическая психология рассматривает конфликт с точки зрения его онтогенеза «на основе результатов изучения эволюции психики человека как центрального звена конфликтных ситуаций и эволюции социального взаимодействия» [1: 43]. При этом конфликт всегда рассматривается как проявление агрессии, которая либо вызвана фрустрацией (различные теории фрустрации), либо изначально присуща человеческому обществу (фрейдистская ориентация); во втором случае – с точки зрения различий в познавательной сфере сторон конфликта (особенности восприятия, логики, характера мышления). Следовательно, для психологии вывод очевиден: происхождение конфликта определяется логикой развёртывания эволюционных процессов человеческой психики.

В социологии конфликт рассматривают в качестве рассогласованности непосредственных целей и интересов его участников – социальных групп, общностей, отдельных людей и т.д. Категории цели и задач являются основными, определяющими возникновение конфликта, также и в философии и политологии. Близкое к когнитивной психологии понимание конфликта даёт семантика, где конфликт выступает как результат непонимания сторонами друг друга [4: 18–19]. «Непонимание», однако, слишком общий термин, не способствующий уточнению представлений об исследуемом явлении. Гораздо интереснее в этом отношении использовать герменевтически точный термин «понимание» (в частности, как восстановление смыслов на основе значений) в его обращении на особую смысловую организованность речи / текста в условиях конфликтогенной ситуации.

Наиболее очевидным смысловым компонентом конфликта является его агрессивность, однако структура и механизм речевой агрессии в современной лингвистике не описаны. Понятие агрессии не вполне сформировалось и толкуется в смысловом и оценочном плане ситуативно: имеет место многообразие используемых терминов: наряду с наиболее распространённым словосочетанием «речевая агрессия» используются такие, как «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия», «коммуникативная агрессия», в связи с чем понятие агрессии не получило в лингвистике чёткого определения [3: 10]. Уточнение понятия «речевая агрессия» составляет, в числе иных задач, новизну нашего исследования. Со ссылкой на О.Н. Быкову, Т.А. Воронцова приводит пример определения агрессии как формы речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда [3]. Попутно заметим, что агрессия представляет собой крайний случай агональной коммуникации, несмотря на то, что в лингвистических исследованиях речевая агрессия периодически фигурирует в качестве синонима конфликтного общения при установке участников коммуникации на конфронтацию. Понятие агональной коммуникации, определяемое

нами ниже, охватывает более широкий круг коммуникативных событий, где эксплицитно либо имплицитно присутствует конфликт.

Исследование конфликта в речи методами герменевтики побуждает нас определить *конфликт как предельный смысл культуры*, который может быть дан в речи (тексте, дискурсе) прямо или имплицитно. В случае если текст (дискурс) коммуникации опредмечивает этот смысл, то соответствующий коммуникативный акт может быть определён как агональный. Система текстовых средств часто направлена на изменение чужого поведения, либо чужой точки зрения. Поводы к агональной коммуникации могут быть разными, однако все они лежат за пределами исследования лингвистики. В лингвистике возможно говорить лишь о разнообразии тематики агонально-конфликтной коммуникации.

Суть определения конфликта как смысла культуры состоит в том, что в случаях его имплицитной данности в тексте он может быть усмотрен только в результате интерпретации. Герменевтический подход к исследованию конфликта как неявно данного смысла культуры представляется особенно эффективным в сфере исследования политической коммуникации и риторики (см., например, [10, 11]), а также в исследованиях эффектов воздейственности речи, поскольку насущной для современной лингвистики методологической задачей представляется включение в онтологию языка универсума человека, позволяющее, в свою очередь, объяснить важнейшие моменты существования самого языка, касающиеся его природы, функционального предназначения, становления, общих принципов организации [8: 407]. Переход от понятий «речь» и «текст» к понятию «дискурс» связан именно с этим стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи, принадлежащее Ф. де Соссюру, некоторый третий член – нечто «более речевое», нежели сама речь, и одновременно – в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое» [9].

Своё материальное выражение коммуникативный конфликт чаще всего находит в дискурсе и лишь затем может получить фиксацию в тексте. Определённые жанровые виды текстов также способны опредмечивать конфликт. Наиболее очевидными представляются письменная полемика, публицистика, художественный текст.

Как и любые человеческие действия, коммуникативный конфликт может рассматриваться с точки зрения его эффективности либо неэффективности, коммуникативных удач / неудач. Степень и причины эффективности конфликтогенной коммуникации могут находиться в прямой зависимости от фактора спонтанности или подготовленности общения, направленного на конфронтацию, а также от его тактических и стратегических целей, которые могут не быть очевидными профанно-

му участнику либо наблюдателю, но, тем не менее, поддаваться лингвистическому анализу и оценке.

Поскольку зачастую конфликт обладает очевидными признаками драматургического жанра, интересно отметить, что определённые дискурсивные практики режиссируются в форме жанровых подвидов, например, политические дебаты или телевизионные ток-шоу. В связи с этим предлагаем рассмотреть несколько примеров в рамках политического дискурса, иллюстрирующих шкалу эффективности конфликтной коммуникации.

Journalist: I know you said there will be a time for politics. But you've also said you wanted to change the tone in Washington. Howard Dean recently seemed to muse aloud whether you had advance knowledge of 9/11. Do you agree or disagree with the RNC that this kind of rhetoric borders on political hate speech?

The President (Mr. Bush): There's time for politics. There's time for politics, and I -- it's an absurd insinuation.

Смысл «конфликт» реализован в речи журналиста через её стилистику, а именно – введение оппозиции, указывающей на наличие противоречия в позиции президента: *«I know you said ... But you've also said...»*, на что указывает также присутствие антитезы, включённой в альтернативный вопрос и требующей, соответственно, точности при ответе: *«Do you agree or disagree....»*. Лексически указание на смысл «конфликт» осуществляется через значение слова «*hate*» в составе эпитета «*political hate speech*». Содержательным основанием для конфликта между Хауардом Дином и президентом Бушем становится аллюзия на события 9/11, и, в частности, намёк на то, что Буш мог быть предварительно извещён, и, следовательно, предотвратить трагедию. Конфликт как смысл опредмечен эффективно, судя по реакции Буша «*it's an absurd insinuation*», которая свидетельствует о его выходе к смыслу, несмотря на очевидность того, что демонстрация такого рода рассчитана, естественно, не только на самого Буша, а и на гораздо более широкую аудиторию, поскольку приводимый пример является фрагментом пресс-конференции. Семантико-рецептивный план речи / текста представлен формально-суппозитивным «*whether you had advance knowledge of 9/11*», вводимом смягчающим «*to muse aloud whether*» с целью далее осуществить резкий переход от нейтрально-возвышенно-неопределённого «*to change the tone in Washington*» к конкретному и отрицательно коннотированному «*political hate speech*», что задаёт ещё одно (контекстуальное) противопоставление: «*tone – hate speech*». Программирование собеседника на выход к смыслу «конфликт» обеспечивает предсказуемость реакции и невозможность воспользоваться готовым пониманием, которое при иных обстоятельствах могло бы быть предложено ему кем-либо из помощников: «*There's time for politics. There's time for*

politics, and I – it's an absurd insinuation» – в результате в речи Буша появляется полный синтаксический и лексический повтор, стилистическая разрядка и апосиопесис. Из наших рассуждений следует, что смысл «конфликт» может быть опредмечен в речи, и распределение этого смысла непосредственным собеседником вызывает в его речи эффект стилистического коллапса, который обладает драматическим эффектом, так как в его пределах речь теряет «второй план», переставая быть имплицитной (*«it's an absurd insinuation»*).

Опредмечивание смысла «конфликт» через систему текстовых противоречий и лексических индикаторов не является единственной возможностью в этой области организации коммуникативного события. Стандартным или как минимум традиционным стало использование для этих целей метафоры, в особенности такой, которая создаёт образ политической деятельности как криминальной сферы. В этой связи целесообразно рассмотреть следующие примеры, где механизм метафоры обеспечивает эффект выхода к соответствующему смыслу.

Особая образность метафоры позволяет автору текста в большей степени опереться на механизм содержательного сравнения. В результате часто субъекты политической деятельности представляются как преступники различной «специализации» (грабители, мошенники, гангстеры и др.), объединённые в разнообразные криминальные сообщества (банды, шайки, «семьи») и использующие типичные орудия преступления. Приведённые ниже цитаты взяты из базы данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы», опубликованной на официальном сайте Государственной Думы РФ www.duma.gov.ru (использованы выдержки из заседаний от 22 сентября, 2 ноября, 23 ноября). С нашей точки зрения, они являются иллюстрациями подготовленного, однако неэффективного конфликта вследствие избитости именно этого типа установления сравнения в пределах метафоры. Отсюда следует, что стилистическая яркость и новизна имеют непосредственное отношение к эффективности конфликтогенной коммуникации. Ср.:

«Большевики пошли ещё дальше – они сделали тотальный грабёж государственной политикой» (Г. Явлинский); «Власть устанавливает грабительские налоги» (Л. Телень); «В годы пореформенные были напрочь забыты правоохранные функции уполномоченных на то структур, и их место заняли два типа рэкета – государственный и собственно бандитский» (А. Колесников); «Я вас лично прошу, Борис Вячеславович, остановите ваших губернаторов! Вот такие бандитские наезды на партийные списки уже больше нельзя терпеть» (В.В. Жириновский).

В последней из приведённых метафор выявляется ещё одна особенность опредмечивания смысла «конфликт» – этой особенностью является противопоставление «я – другой», «мы – другие», «мы хорошие – они плохие». Подразумевается, что председательствующий Борис

Грызлов и «его» губернаторы преступны. Однако губернаторы по закону вовсе не подчиняются Борису Грызлову, председательствовавшему в Государственной Думе в тот момент. Назначать губернаторов – прерогатива президента, и, следовательно, возникает естественный вопрос об адресованности текста.

Поскольку и Грызлов, и депутаты полностью в курсе положения вещей, естественным ответом на вопрос о возможном адресате является электорат, симпатии которого тем более привлекаются на сторону лидера ЛДПР, чем в большей степени безрефлективно, при отсутствии желания вникать в информационную сторону вопроса, аудитория Жириновского встаёт на защиту несправедливо обиженных однопартийцев. Из этого следует, что вопрос об истинности информации, положенной в основу конфликтогенной речи, не является первостепенным. Более того, содержательная оппозиция «я говорю правду, а мои оппоненты лгут» также может стать основой всего лишь для дальнейшего опредмечивания конфликта в речи, а не поводом для выяснения истины.

В ряде исследований в качестве основания оценки качества осуществляемой коммуникации рассматривается конвенция как разновидность коммуникативной нормы. Поэтому понятие конвенциональности формирует систему ориентиров, связанных с конфликтогенной коммуникацией. Соответственно, конфликт может проявляться в нарушении конвенции. Нарушение конвенции, какой бы она ни была – этической, парламентской, гендерной или возрастной, всегда ведёт к агональному коммуникативному событию. Конвенцию определяют как повторяющуюся закономерность R в поведении членов общества P , действующих в ситуации S , если и только если истинно и является общим знанием в обществе P , что почти всегда в ситуации S из всех членов общества P 1) практически каждый подчиняется R ; 2) практически каждый ожидает, что все остальные тоже подчиняются R ; 3) практически каждый приблизительно одинаково оценивает приоритетность и предпочтительность всех возможных комбинаций действий; 4) практически каждый предпочитает, чтобы любой другой подчинялся R при условии, что все остальные подчиняются R [12: 78]. Язык, безусловно, конвенционален, его употребление – дискурс – также подвержено конвенциональности. Приведённые параметры легко применимы к ситуации парламентских дебатов, причем все они обязательны. Если какое-либо из условий конвенции не соблюдено, конвенция считается нарушенной, и такое нарушение может быть определено как коммуникативный конфликт.

Из анализа приведённых выше примеров очевидно, что наиболее эффективным полем для исследования механизмов конфликта может стать лингвистика с её семантическим и стилистическим анализом и системой техник понимания, разработанных в филологической герменевтике [2].

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: 2000. 551 с.
2. Богин Г.И. Интерпретация текста: учеб.-методич. мат-лы. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. 38 с.
3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. Дом «Удмуртск. ун-т», 2006. 252 с.
4. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
5. Лейхифф Дж. М., Пенроуз Дж. М. Бизнес Коммуникации. Стратегии и навыки. СПб., 2001. 685 с.
6. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2004. 512 с.
7. Политическая конфликтология перед новыми вызовами: коллективная монография. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 284 с.
8. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 342–420.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 252 с.
11. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дис. ... канд. филол наук: 10.02.19. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 163 с.
12. Lewis D. K. Convention: A Philosophical Study. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.

ASPECTS OF CONFLICT CONCRETIZATION AS AN ULTIMATE VALUE OF CULTURE

A.S. Dodina

Tver State University, Tver

Conflict in general and communication conflict in particular have long eluded the research focus. Aggression as the most obvious component of conflict was studied predominantly by sociologists and psychologists. The essence of conflict as a cultural value lies in the fact that when implicitly present in a text, it can only be discovered through interpretation. At the same time its explication in a discourse makes it recorded in a text. The hermeneutic approach to conflict research as a covert cultural value appears particularly effective in political communication and rhetoric.

Keywords: *conflict, discourse, verbal aggression, text interpretation.*

Об авторе:

ДОДИНА Анна Сергеевна – аспирант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: autumn2003@mail.ru